

Жанровые модификации современного женского текста Республики Коми*

Концепт гендера в структуре современного гуманитарного знания отражает глобальный сдвиг в осмыслении литературного пространства Республики Коми. Культурно-социологический, психоаналитический, структуралистский и постструктуралистский подходы к проблеме литературного регионализма позволяют выявить женские и мужские дискурсивные практики в текстах писателей Республики Коми XX века. В этом случае понятие «гендерное пространство литературы Республики Коми» определяется как совокупность текстов, созданных местными авторами и функционирующих в контексте локальной региональной и национальной культурно-социальной традиции, определяющейся генезисом и развитием историко-литературного процесса на Европейском Севере. Художественное познание гендера позволяет расширить интерпретационный подход к женской прозе. Артикуляция женского дискурса в современной литературе характеризует автора-женщину как субъективно-значимую категорию социально-культурного пространства региона: авторы-женщины формируют идентификационные модели, создавая автобиографии и авто-гино-графии [1, с. 199]. В текстах авторов-женщин конституируется структура женской субъективности (Д. Батлер), то есть построение собственной, независимой и уникальной топологии женского, зачастую через категорию «другого». Стремление автора-женщины к созданию автономного субъективного дискурса, альтернативного «другому» (мужскому), соотносится с моделированием топологической конструкции, в основе которой находится оппозиция «маргинальность» – «традиция». Как отмечает И. Жеребкина: «В контекст проблемы “женской литературы” входит изучение тем, жанров и структуры литературы, созданной женщинами, в число предметов – психодинамика женской креативности, лингвистика и проблемы женского языка, траектории индивидуальной или коллективной карьеры, история литературы и исследования отдельных писательниц и их произведений» [2, с. 157]. Проблема модификации жанров женского текста репрезентирует исследование женского

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-04-41401 а/С.

© Болотова Г. В., 2009

дискурса. Артикулируя топологию женской субъективности, которую следует рассматривать не в пространстве маргинальной маркировки, а в контексте социально-культурных практик, авторы-женщины реализуют стратегии женской идентичности. Признание за женскими автобиографическими, автоинографическими текстами особого «интуитивного» взгляда на мир предполагает и осознание особенностей женской топологии, помогающей донести до читателей специфический субъективизм женских произведений. Женщина-автор и женщина-персонаж предстают в текстах как автономная, независимая личность: женщина переходит из категории объекта в категорию субъекта текста. В текстах М. Плехановой, И. Величко, Н. Куратовой, Г. Бутыревой женщина заговорила, обрела свое «я».

В текстах И. Величко («Промозглый дождь не помутнение разума», «В тот год»), посвященных исследованию женской судьбы провинциалки, происходит ограничение внешнего пространства героини, в центре нарратологического действия – «психожизнь». Сознание женщины в текстах обнажено. Имплиcitный читатель, к которому постоянно апеллирует автор, становится со-участником происходящего действия: автор и читатель знают код, раскрывающий сущность автобиографического повествования. Стремление женщины отделиться от «другого», осознание женского топоса, репрезентация «женских» проблем (развод, аборт, одиночество, воспитание детей и т. д.) представляют процесс символической субъективизации женского начала в современном мире. Модель саморепрезентации героинь находит выражение в их интересубъективных опытах. Автор, исследуя протекание противоречивых чувств в душе женщины, создает «автопсихологическую» героиню, в образе которой констатирует личные эмоции, мысли. Тексты насыщены лирическими ощущениями, в этой связи можно характеризовать И. Величко как психологического эссеиста, создавшего текстовое поле с непосредственным проникновением в автономный женский мир, в который допускают «избранных». Передача психологических состояний героинь сопровождает моделирование определенных семиотических ситуаций, в данном случае гендерных схем, связанных с поло-ролевой дискриминацией женщины в современном обществе.

В рассказе И. Величко «Промозглый дождь не помутнение разума» женский опыт познания мира концентрируется вокруг главной героини благодаря исповедальному началу текста. Фрагментарность и эпизодичность повествования о частной жизни героини (при отсутствии традиционного линейного повествования) создает ощущение зыбкости про-

странственно-временных координат, актуализирующихся в сознании женщины. Душевные субстанции обволакивают ее сущность, позволяя выйти из телесной оболочки, и ведут ее по «лабиринтам памяти». Состояние физической смерти, которое испытала героиня, дает возможность выйти из объективного мира и окунуться в психологический материал субъективной жизни. Психологические координаты жизни героини взаимосвязаны с возникающими образами ее детства, юности, которые воссоздают картину душевных мук и страданий женщины. Разрушение реального временного плана, освобождение от деталей внешней жизни стало возможным посредством определения психологического состояния героини, а именно состояния сна, способствующего отрешению ее сознания от бременных забот настоящего. Героиня испытывает чувство страха, которое вызывает незнакомое ей до этого иррациональное чувство свободы и неизвестности. Возникающие у нее ассоциации с состоянием смерти сравнимы с понятием сна и смерти в мифологическом сознании. Психологическая открытость героини способствует отражению биологического, сексуального, социально-культурного опыта женщины. Мы наблюдаем пример использования иррационального состояния (сна) как пространства, дающего полную свободу психологическим чувствам героини, так как «...слияние и превращение образов, трансформация внешних впечатлений, ассоциативная текучесть мыслительных и эмоциональных процессов и единство чувства сновидца при кажущейся хаотичности психических процессов в сновидениях... выполняют анализ психологических состояний и характеров действующих лиц» [4, с. 53]. Женскую биографию в тексте И. Величко составляют ситуации, которые значимы собственно для женщины: комплекс гадкого утенка; физиологическое действие – «я стала девушкой»; несчастная любовь к Курышеву, после которой мужчины стали «источниками опасностей»; потеря девственности, неискупимый женский грех – аборт.

Обращение к частной приватной стороне существования героини в рассказе М. Плехановой «Вам двоим» подчеркивает особенности жанра психологической автобиографии: в тексте не события реконструируются (героиня существует в пределах своего автономного психологического пространства), а происходит фиксация аутентичности женского сознания, независимого от «другого». Главная героиня представляет физиологически и психологически чистую женственность, противостоящую «мужественности» сначала матери, потом мужа.

Исторические события в повестях Н. Куратовой описываются через призму женской субъективной точки зрения на социальные исторические

процессы. Содержательно одной из основных тем женской литературы является тема дома и семьи (именно семья признается основной моделью формирования гендерной идентификации). Н. Куратова апеллирует не к личному опыту отдельного человека, а к коллективному гендерному опыту женщин: события «большой» истории (революция, Великая Отечественная война, сталинские репрессии) или замещаются женской внутренней «аффектированной» историей («Тополь с тремя вершинами», «Повесть об отцах»), или совмещаются с ней («Вкус цветущего клевера», «О чем поет парма»), тем самым преобразовывая текст в квазиавтобиографический.

Дешифруя гендерные стереотипы, Н. Куратова определяет мужчину в качестве объекта повествования. Мужские образы (Данила Лобанов, Константин Алексеевич, Учитель и др.), внешне сохраняя традиционные функции защитника, воина, добытчика, выходят за пределы родового дома и становятся незримыми, а иногда и второстепенными персонажами. Повести Н. Куратовой не являются историями о другом (мужском) мире, в них репрезентируется женская история. Субъективизм женских образов интерпретирует жизнь девочки («Повесть об отцах», «Вкус цветущего клевера»), девушки («О чем поет парма»), женщины («Тополь с тремя вершинами») изначально как уникальную топологию женского. Обретая позицию субъекта текста, героиням удается пройти собственный путь познания, а в некотором роде путь сопротивления мужским априориям (образ Галины, «Тополь с тремя вершинами»). В этой связи возникает традиционный гендерный символ зеркала, выражающий женское драматическое состояние разрыва: желание соответствовать мужским нормативным представлениям о женщине и одновременно, внешне или внутренне, отвергать эти нормы и представления. Креативность героинь Н. Куратовой, стремящихся построить, изменить собственную жизнь и жизнь других, становится доминирующей характеристикой идентичности женщины, что является содержательным наполнением женской литературы. В повестях Н. Куратовой («Вкус цветущего клевера», «Повесть об отцах») формальным признаком автобиографического текста остается признак письма от первого лица, при этом особенностью текста является апелляция к личному опыту героини не как отдельному, а как гендерному опыту группы, характеристикой идентичности которой является не только пол, но и национальный признак, тесно связанный с темой рода, семьи. На мифопоэтическом уровне трагедия страны осмысливается Н. Куратовой как распад гармонических семейных отношений, что и подталкивает героинь перешагнуть ситуацию традиционных гендерных стереотипов, реализовать собственную субъективность.

Признание за женской литературой особого «интуитивного» взгляда на бытие предполагает осознание особенностей женской психологии, помогающей донести до читателей специфический субъективизм женских поэтических текстов. Белый стих Г. Бутыревой выражает свободу интересу субъективного, телесного опыта женщины и ее переживаний: текст строится фрагментарно, выражая чувства, а не законы грамматики. Ситуации бесконечности, незавершенности в женском тексте связаны с поисками Другого, потерянного возлюбленного («Эськц эски кц», «Памяти Эрнста Халлопа», «Ыпъялц сись») или давно покинутого Дома («Эскыссыц, вола на», «История колодца, который и поныне стоит», «Уезжая в город, просила прощения»). Типичность подобных исканий, на первый взгляд, определяет маргинальную маркировку поведения женщины, стремящейся стать частью традиционно цельного образа (мужчина, Родина), в то же время поиск предстает как обнаружение специфической женской идентичности, как репрезентация «женского», что не связано с зависимостью от нормативной мужской топологии. Женская суть героинь Г. Бутыревой способна справиться с одиночеством, тревогой, она независима от бывшего боготворящего внимания мужчины, от его писем, отрывочных воспоминаний о прежних телефонных разговорах. Малая родина, родной дом являются символом автобиографии; возвращаясь к ним в воспоминаниях («Половодье», «Как хорошо было там») и в реальности («Памяти отца и матери»), героиня сознательно, через артикуляцию темы дома, семейного быта, детских переживаний заменяет событийность официальной истории событийностью собственной внутренней истории.

Жанровая модель женского литературного текста Республики Коми сочетает традиционные повествовательные структуры автобиографических произведений [3] и интертекстуальные элементы женской топологии, позволяющие конструировать гендерные позиции автора и читателя. Автобиографическая наррация, психологический субъективизм в социально-редуцированных, исторически-локализованных, психологически аффектированных текстах Н. Куратовой, И. Величко, Г. Бутыревой и М. Плехановой позволяют репрезентировать женский опыт, стратегии женской идентичности.

-
1. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб., 2007.
 2. Жеребкина И. «Прочти мое желание»: Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М., 2000.
 3. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М., 2002.
 4. Страхов И. В. Психологический анализ в литературном творчестве. Саратов, 1973.